ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Е. А. БОКАРЕВ

О КАТЕГОРИИ ПАДЕЖА

(Применительно к дагестанским языкам)

Вопрос о категории падежа представляет большой теоретический интерес для описательной грамматики. По отношению к целому ряду языков разрешение этого вопроса связано с серьезными разногласиями. Общезвестна, например, полемика по вопросу о падежах в английском языке. Большую сложность представляет разрешение этого вопроса также в некоторых финно-угорских и иберийско-кавказских языках.

Причиной разногласий по вопросу о падеже является недостаточная разработанность методологических основ описательной грамматики, недостаточно четкое определение самого понятия «падеж», а в связи с этим недостаточная разработанность конкретной методики вычленения категории падежа. Более или менее единообразно определяется падеж с точки зрения функциональной как форма имени, выражающая его синтаксические отношения к другим словам¹. Но с той же функциональной точки зрения определяются аналогичным образом предлог, а также послелог в тех языках, где он существует вместо предлога или наряду с ним.

Понятие «падеж» требует не только функционального определения, но и формально-грамматического, которое исходило бы из структурных особенностей, характерных для того или иного конкретного языка. Вопрос о падежах должен по-разному разрешаться для таких структурно различных языков, как, например, английский, русский или какой-нибудь дагестанский.

*

Для разрешения вопроса о падежах будет поучителен беглый обзор той литературы, которая была посвящена категории падежа. Само собой разумеется, что данная статья не только не может в какой-либо мере дать более или менее полное изложение всей истории вопроса, но даже и показать наиболее яркие ее страницы. Автор ставит перед собой задачу коснуться тех моментов, которые, по его мнению, наиболее существенны для разрешения конкретных вопросов, поставленных в статье.

Термин «падеж» и понятие, связанное с ним, восходит к античной науке². По вначале он употреблялся в значении, совершенно отличном

¹ Ср. близкое по существу и по форме определение В. В. Виноградова: «Падеж — это форма имени, выражающая его отношение к другим словам в речи» («Русский язык», М.—Л., Учпедгиз, 1947, стр. 167).

² Об античных теориях грамматики см. сб. «Античные теории языка и стиля», под общ. ред. О. М. Фрейденберг, М.—Л., Соцэкгиз, 1936 (в частности, вводную статью И. М. Тронского «Проблемы языка в античной науке», стр. 7—28); см. также И. В. Нетушил, Этюды и материалы для научного синтаксиса латинского языка, т. II—О падежах, Харьков, 1885, стр. 4—5.

от современного. Аристотель под названием «падеж» (*ptōsis* «падение») имел в виду всякого рода изменения как имени, так и глагола, причем падежом называлась не основная, исходная форма слова, а только его производная косвенная форма. В своей «Поэтике» он пишет: «*Падеж* имени или глагола — это обозначение отношений по вопросам „кого“, „кому“ и т. п.: или — обозначение единства или множества, например „люди“ или „человек“, или отношений выразительности, например вопрос, приказание: „пришел ли“, „иди“. Это глагольные падежи, соответствующие этим отношениям»³. В другом сочинении «Об истолковании» Аристотель специально останавливается на «глагольных падежах»: «... он был здоров» и «он будет здоров» — не суть глаголы, а падежи глагола и отличаются от глагола тем, что глагол обозначает собой вынешнее время, а падежи — время до и после вынешнего»⁴.

Более поздние грамматисты сузили и уточнили круг употребления слова «падеж». Так, стоики стали уже относить термин «падеж» только к изменению имени, они же включили и именительный падеж в число форм, называвшихся падежом. Причем стоики, этимологизируя этот термин «падеж», рассматривали его как падение имени «... с душевного представления»⁵. Стоикам же принадлежат и названия падежей⁶, которые через александрийских, а затем и латинских грамматистов приобрели всеобщее употребление у самых различных народов. Римские грамматисты, заимствовав от греков грамматическую систему в целом, приспособили также и греческую систему падежей к особенностям латинского языка. В результате этого приспособления римские грамматисты дополнили перечень одним падежом, которого в греческом языке не было. Этот падеж не имел вначале особого наименования. Так, Варрон называет его просто *casus sextus* «шестой падеж». И только у Квинтилиана он получает особое название *ablativus*.

Понятие падежа, система падежей и связанная с этим специальная терминология постепенно переходят от греков к римлянам и другим народам, приспособляются к различным и разнотипным языкам. Иногда это приспособление оказывается удачным, учитывающим специфические особенности того или иного языка, своеобразие его грамматического строя; иногда же это приспособление носит характер совершенно некритического, слепого подражания.

Древнегреческая система и номенклатура падежей легко могла быть приспособлена к русскому языку, структурно близкому к древнегреческому. В статье «О восьми частях слова», древнейший из списков которой относится к XV—XVI вв., являющейся, по утверждению старых исследователей (И. В. Ягич, В. К. Поржезинский)⁷, удачным приспособлением греческой схемы к древнерусскому языку, указывается на следующие пять падежей: «права, родна, виновна, дательна, звательна».

Шестой падеж — творительный — впервые был введен Лаврентием Зизанием в его грамматике 1596 г. Седьмой падеж — сказательный — введен в 1619 г. в знаменитой грамматике Мелетия Смотрицкого, которая, в основном, утвердила грамматическую терминологию, ставшую уже традиционной. Последующие труды сравнительно немного изменили.

³ Сб. «Античные теории языка и стиля», стр. 63.

⁴ Там же, стр. 61.

⁵ Там же, стр. 70—71.

⁶ Впрочем, И. М. Троицкий на 26 стр. указ. статьи допускает, что эти наименования могли быть даны и до стоиков.

⁷ См.: В. Поржезинский, К истории русской грамматики и грамматической терминологии, «Сб. статей, посвященных В. О. Ключевскому», М., 1909; И. В. Ягич, Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке (тит. л.: V. Jagić, Codex slovenicus rerum grammaticarum), СПб., 1896.

В частности, надо указать на то, что термин Смотрицкого «сказательный падеж» был заменен М. В. Ломоносовым термином «предложный»⁸. Таким образом, русская наука о языке, исходя из падежной схемы античной грамматики, дала совершенно оригинальную систему, точно отображающую грамматические факты русского языка.

Попытаемся дать суммарную характеристику склонения и системы падежей русского языка. В последнем существует три основных типа склонения имен существительных:

К I типу относится склонение имен существительных мужского рода с нулевым окончанием именительного падежа, а также склонение имен существительных среднего и мужского рода с окончаниями *-o* (*-ѐ*), *-e*; ко II типу относится склонение существительных женского и мужского рода с окончанием *-a* (*-я*); к III типу относится склонение имен существительных женского рода на мягкий согласный (кроме *ь*) и на шипящие с нулевым окончанием именительного падежа. В первых двух типах различаются твердый и мягкий варианты. Можно было бы также указать и на некоторые особенности склонения имен существительных среднего рода на *-мя*, на особенности склонения некоторых единичных слов (например, *путь*), на особенности склонения в зависимости от места ударения в существительном, на особенности склонения одушевленных и неодушевленных существительных, на особенности склонения единственного и множественного числа, наконец, на различные типы склонения других частей речи (прилагательных, числительных, местоимений).

И все же, несмотря на все многообразие типов склонения, в русском языке выявляется единая система падежей, которая становится ясной лишь при сопоставлении различных типов склонения и не может быть понята на материале какого-нибудь одного из этих типов. В самом деле: если мы рассмотрим, например, склонение существительного *дверь*, то в единственном числе мы обнаружим только три различные формы: *дверь*, *двери*, *дверью*. Склонение же этого слова во множественном числе выявит уже пять различных форм: *двери*, *дверей*, *дверям*, *дверями*, (*о*, *на*) *дверях*. Сопоставление форм единственного и множественного числа показывает, что форма *двери* в единственном числе представляет собой грамматический омоним, соответствуя во множественном числе ряду форм: *около двери* — *около дверей*; *к двери* — *к дверям*; *о двери* — *о дверях*. Омонимичность же формы *дверь* в единственном числе или формы *двери* во множественном числе выявится лишь в результате сопоставления этих форм с формами, например, I склонения: *дверь окрашена* — *стена окрашена*; *дверь окрасили* — *стену окрасили*. Попытаемся выявить число падежей какого-либо другого слова, не выходя за пределы его собственных падежных форм. Возьмем, например, слово *стол*. В единственном числе оно имеет только пять форм: *стол*, *стола*, *столу*, *столом*, (*о*, *на*) *столе*. Наличие всех шести падежей становится явным только после сопоставления склонения этого слова со склонением, например, имени существительного одушевленного, принадлежащего к тому же типу склонения, например, *отец*: *стол стоит* — *отец стоит*; *я вижу стол* — *я вижу отца*. Форма *отца* в свою очередь оказывается омонимичной при ее сопоставлении с формами родительного и винительного падежа слова *стол* (*стола*, *стол*) или слова *стена* (*стены*, *стену*). Таким образом, наличие всех шести падежей русского языка не может быть выявлено мате-

⁸ Историю русской грамматической теории в древнейший ее период дает, кроме вышеуказанных работ В. К. Поржезинского и И. В. Ягича, капитальный труд С. К. Булича «Очерк истории языкознания в России», т. I (СПб., 1904). Специально о падежах см. у В. В. Виноградова («Русский язык», стр. 168).

риалами ни одного, изолированно взятого слова, а становится очевидным лишь в сопоставлении различных типов склонения.

Обратившись к значениям падежных форм, мы сразу же увидим, что ни один из падежей не имеет единого значения, которое могло бы служить надежным критерием при отнесении той или иной формы к определенному падежу, а следовательно, и критерием при подсчете числа падежей⁹. «Мы привыкли, — говорит А. А. Потебня, — например говорить об одном творительном падеже в русском языке, но на деле этот падеж есть не одна грамматическая категория, а несколько различных, генетически связанных между собою. Всякое особое употребление творительного есть новый падеж, так что собственно у нас несколько падежей, обозначаемых именем творительного... каждое особое значение предлога даст новый падеж»¹⁰. Вслед за Потебней о возможности такой постановки вопроса говорит А. И. Соболевский: «Сколько падежей? Ответ на этот вопрос не только труден, но прямо невозможен. Если принять за основание звуковую форму имени... мы должны будем сказать, что одни имена... имеют меньше падежей, чем другие ... и что число падежей неопределенно. Если же принять за основание грамматическое значение... мы должны будем насчитывать большое количество падежей... Тогда, например, форма *хлеба* в разных предложениях (*я взял себе хлеба, мясо лучше хлеба, мягкость — свойство хлеба*) будет представлять три падежа: *partitivus, ablativus, possessivus*»¹¹. Для Соболевского, как и для Потебни, нет категории падежа как единства формы и значения. Рассмотренные грамматической категории падежа у него подменяется раздельным изучением внешних показателей формы и взятых в отрыве от своего материального оформления значений. Падеж — фактически данная в языке категория, представляющая единство содержания и формы, является основой для изучения всех формальных разновидностей падежа (как связанных непосредственно между собой, так и не связанных) и всех семантических разновидностей его употребления (также связанных непосредственно между собой и не связанных). Раздельное изучение способов грамматического выражения и значения, конечно, не только возможно, но и необходимо, но это лишь черновая, предварительная работа по накоплению и систематизации материала, которая не только не снимает вопрос о категории падежа как единстве языковой формы и языкового содержания, но, наоборот, предполагает постановку вопроса об этом единстве, так как лишь понятие грамматической категории падежа дает этому разрозненному материалу определенное место в грамматической системе языка.

Вопрос о падежных значениях и до сего времени нельзя считать изученным в достаточной степени. Поэтому призыв Потебни к их исследованию сохраняет в известной мере свое значение и до наших дней. В своем труде по вопросам языкознания И. В. Сталин специально говорит о важности изучения смысловой стороны языка. «Семантика (семасиология) является одной из важных частей языкознания. Смысловая сторона слов и выражений имеет серьезное значение в деле изучения языка. Поэтому семантике (семасиологии) должно быть обеспечено в языкозна-

⁹ Попытки свести различные значения каждого из падежей к одному основному значению, если бы они даже и были осуществимы, представляют собой по существу попытку восстановления гипотетических первоначальных значений падежей.

¹⁰ А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, 2-е изд., Харьков, 1888, стр. 56.

¹¹ А. И. Соболевский, Русский исторический синтаксис. Лекции 1892—1893 г. (литограф. изд.), стр. 52—53.

нии подводящее ей место»¹² Одной из важных задач грамматических исследований является выявление значения грамматических форм и категорий, но грамматические значения являются объектом исследования грамматики лишь постольку, поскольку они находят свое материальное выражение в соответствующих грамматических формах.

Установление перечня падежных значений и значений сочетания различных падежей с различными предлогами — чрезвычайно актуальная задача. Но попытка перестройки системы падежей в целом на основе единичных «падежных значений», без опоры на их материальное оформление не может иметь никаких шансов на успех, так как один и тот же падежный показатель или группа различных, но постоянно соответствующих друг другу показателей выражают не одно, а несколько значений и наоборот, одно и то же значение выражается различными показателями или группами показателей. И В. Сталин, отмечая важность семантики, вместе с тем указывает и на опасность злоупотребления ею: «Однако, разрабатывая вопросы семантики и используя ее данные, никоим образом нельзя переоценивать ее значение, и тем более — нельзя злоупотреблять ею»¹³. Обратимся к материалу.

Обозначение времени может быть выражено различными падежами в сочетании с различными предлогами: *нынешнюю ночь, в нынешнюю ночь, ночью, двадцать седьмого сентября, в сентябре под вечер, за обедом, перед рассветом, с рассветом, среди зимы, об эту пору, о рождестве* (ср. «О рождестве у них была пирушка» Крылов), *при окончании, во время по окончании* и т. д. Та же картина представляется и в отношении обозначения места (*в почтовой конторе, на почте*), способа и образа действия (*кричать громко петь басом, петь как артист, кричать во все горло, кричать изо всей силы, произносить в нос* и т. д.).

Аналогичный материал, который мог бы быть привлечен в качестве примеров, неисчислим. В самом деле в каждом отдельном случае мы сталкиваемся с особым падежом, если под падежом понимать всякий раз каждое новое значение. Однако мельчайшие оттенки значений, которые мы можем констатировать при каждом новом способе выражения, сплошь и рядом настолько субъективны, расплывчаты и даже неуловимы, что надо прямо сказать заниматься значениями без увязки их с системой форм выражения — это значит погрузиться в мир субъективных представлений и догадок. Понятие «падежа» в таком случае совершенно потеряло бы всякую объективную реальность¹⁴.

Таким образом, попытка перестроить систему падежей русского языка, исходя как из значений, взятых в отрыве от формальных показателей, так и из формальных показателей, взятых в отрыве от системы значений, терпит полный крах. Система падежей, как она дана в традиционной русской грамматике, обнаруживает полное соответствие объективному положению вещей. Но если в русском языке, преимущественно синтетическом по строю, учение о падежах, перенесенное из античной науки, чрезвычайно удачно переработано в соответствии с характерными особенностями русского языка, то во многих языках, где преобладают аналитические средства (прежде всего, в английском и французском), весьма существенно отличающихся своим грамматическим строем от древнегре-

¹² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат. 1953. стр. 37—38.

¹³ Там же стр. 38.

¹⁴ См., например, соображения по этому вопросу В. И. Абаева в его статье «О „инициальном“ падеже в осетинском» (сб. «Осетинский язык и фольклор», I М — II, 1949 стр. 129—137).

ческого и латинского, приспособление античного учения о падежах оказалось далеко не таким успешным

Возьмем в качестве примера английский язык. Английский язык в основном, характеризуется как язык аналитического строя с весьма небольшими остатками синтетизма. Аналитический строй, если пользоваться этим традиционным термином, отличается от синтетического тем, что для выражения грамматических значений в языках аналитического строя используются преимущественно не окончания слов, а порядок слов, служебные слова и некоторые другие средства. Английский язык, следовательно, принципиально отличается особенностями своей грамматической структуры от таких языков, как древнегреческий и латинский, которые могут быть охарактеризованы как языки синтетические, т. е. пользовавшиеся для выражения грамматических значений преимущественно внутренней и внешней флексией.

Исходя из всего этого, следовало бы ожидать, что построение грамматики английского языка, учитывающей все своеобразие его строя, должно было бы быть принципиально иным, чем построение грамматики, на пример, латинского языка. Однако своеобразие самого английского языка в посвященных этому языку работах отражено совершенно недостаточно и к тому же крайне непоследовательно. В этом можно убедиться, в частности, рассматривая работы, посвященные той области, которая нас непосредственно интересует, — вопросу о падежах. Английская грамматическая литература по этому вопросу дает самые разнообразные решения.¹⁵ Так, по мнению некоторых грамматистов, в английском языке столько же падежей, сколько и в латинском, т. е. шесть: *nominativus, genetivus, dativus, accusativus, ablativus, vocativus*. При этом падежом в таком случае называется приблизительно следующий смысловой эквивалент соответствующих латинских падежей, т. е. винительным падежом будет называться имя, стоящее в функции прямого дополнения, однако имя, выражающее направление действия (*eo Romam, I go to London* «иду в Рим», «в Лондон»), винительным падежом не считается. Родительным падежом считается в таком случае как саксонская форма (*this man's work* «работа этого мужчины»), так и соответствующие конструкции с предлогами (*the work of this man* «работа этого мужчины»). Звательным падежом считается имя, являющееся обращением, и т. д.

В основе таких рассуждений здесь лежит чуждая мысль, что падежная система латинского языка представляет собой «общечеловеческую» систему падежных категорий, и наивное предположение о четкости функций латинских падежей и полном совпадении этих функций в обоих языках. Отсутствие каких-либо мало мальски устойчивых принципов для решения вопроса о падежах в английском языке приводит к тому, что различные лингвисты признают существование в английском языке шести, пяти, четырех, трех или двух падежей. Так, например, о пяти падежах (именительном, родительном, дательном, винительном и звательном) в английском языке, т. е. о таком же количестве, как в греческом, говорят Вебер¹⁶ Несфильд¹⁷. И тот, и другой исключают из английского

¹⁵ О проблемах по вопросу о падежах в английском языке существует очень большая литература. См. например Б. А. Ильин. Современный английский язык. 2-е изд., М. Изд-во лит-ры на иностр. языках 1948 стр. 93 и сл. O. Jespersen. The philosophy of grammar. London. Allen and Unwin. New York. Holt. 1935 стр. 17.—187.

¹⁶ См. G. Weber. Der Bau der englischen Sprache. Leipzig 1934.

¹⁷ См. J. C. Nesfield, English grammar past and present, London, 1924.

языка аблатив. Дейтчбейн¹⁸ считает, что в английском языке столько же падежей, сколько и в немецком, т. е. четыре (те же, но без звательного). Встречается также и мнение о том, что в английском языке существует три падежа: основной, косвенный (соответствующий дательному и винительному) и родительный (саксонская форма). Наконец, Есперсен¹⁹ и ряд других англистов говорят только о двух падежах: общем и родительном (саксонская форма).

Одна ссылка на этот вопиющий разницей в суждениях о падежах в английском языке должна вызвать вполне законное представление, что в этом вопросе царит полный субъективизм. И это действительно так. Обычно авторы берут за основу надежную систему какого-либо языка, чаще всего латинского, греческого или немецкого, и подыскивают в английском языке приблизительные смысловые эквиваленты, получающие наименование соответствующего падежа. При этом, конечно, под названием какого-либо одного падежа оказываются совершенно разнородные явления. Так, например, под названием родительного падежа подразумевается и саксонская форма на *-s*, и сочетание с предлогом *of, from*; под названием дательного падежа — сочетание имени с предлогами *to, for* и имя, являющееся косвенным дополнением в предложении. Интересно, что показателями падежей в таком случае признаются лишь некоторые, произвольно выбранные предлоги. Например, Дейтчбейн сочетание имени с предлогом *with* не считает творительным падежом, очевидно, потому, что его система падежей английского языка создана по образу и подобию системы немецких падежей, в которой творительный падеж не находит себе места.

Также совершенно произвольно используется и порядок слов как показатель падежа. Совершенно бездоказательно утверждение, что в предложении *John lights the candle* «Джон зажигает свечу» *John* является именительным падежом, потому что его место перед сказуемым, а *the candle* — винительный, потому что его место после сказуемого. Здесь можно утверждать лишь, что на основании данного порядка слов мы считаем *John* подлежащим, а *the candle* дополнением. Попытки рассматривать предлоги или порядок слов как показатель падежа чернят очевидный крах.

Методологический порок работ представителей буржуазного языкознания о падежах в английском языке основан на том, что иногда подсознательно, а иногда совершенно обдуманно и сознательно они какой-либо из языков принимают за стандарт — за язык, в котором основные категории мысли будто бы представлены в наиболее полной и четкой форме. Тому, что таким языком оказывался в большинстве случаев латинский или греческий, не следует удивляться: классические языки в течение долгого времени были основой всякого образования и тем более филологического. Но все попытки построения грамматики различных языков мира, если исходить из такого произвольно выбранного стандарта, не могли дать мало-мальски сносного результата. Традиционное учение о падежах в английском языке — лучшее этому свидетельство.

Интересным дополнением к нашему изложению вопроса о падежах в английском языке может служить также рассмотрение точки зрения голландского романиста де Бура (C. de Boer) на вопрос о падежах во

¹⁸ См. M. Deutschbein, System der neuenglischen Syntax, 3-e Aufl., Leipzig, 1928.

¹⁹ O. Jespersen, The system of grammar, London, Allen and Unwin; Copenhagen, Levin and Munksgaard, 1933 и ряд других работ.

французском языке²⁰. Французский язык также принадлежит к аналитическим языкам, т. е. к языкам, которые выражают синтаксические отношения между словами не оформлением самого слова, а внешними средствами: порядком слов, предлогами и т. д.

Де Бур поэтому в своем учении о падежах во французском языке прежде всего отвергает морфологическую точку зрения, которая к тому же, по его мнению, применялась до сего времени очень непосредственно. В качестве примера такой непосредственности он приводит из латинского языка форму *gladio*, рассматривающуюся в традиционной грамматике и как дательный, и как отложительный падеж, которые в данном, II, склонении совпадают в одной и той же форме. Де Бур думает, что с последовательно-морфологической точки зрения нужно было бы эту форму рассматривать всегда как один и тот же падеж.

Если же, рассуждает де Бур, мы в единой форме *gladio* видим два различных падежа — дательный и отложительный, то мы должны быть последовательными и признать, что эта же форма может быть и третьим падежом — творительным, который по своему значению не совпадает ни с дательным, ни с отложительным. Так де Бур обосновывает свою точку зрения на падеж: падеж не морфологическая категория, а смысловая и синтаксическая.

Рассмотрим альтернативу, предложенную де Буром. В первом случае, трактуя форму *gladio* всегда как один падеж, де Бур выступает как ультраформалист, который не видит никакой связи между внешней формой слова и его значением, синтаксической функцией и не понимает, что форма всегда выступает лишь как показатель каких-то значений, а не сама по себе. Де Бур не видит того, что каждый формальный показатель является лишь элементом системы, соотносительным с другими ее элементами. Так, например, *gladio* выступает то как форма дательного, то как форма отложительного падежа, соответствуя в первом случае функционально *rosae, homini, fructui, diei*, в другом — *rosa, homine, fructu, die*. В латинском языке во всех склонениях дательный и отложительный падежи различаются формально и потому противопоставлены друг другу в отношении значения. Следовательно, и во II склонении в единой форме *gladio* осознается различие этих двух значений и создается основа для противопоставления дательного и отложительного падежа также и во II склонении. Здесь падеж выступает не как чистая форма, никак не связанная со значением, а как раз наоборот — как единство формы и значения. Совершенно иное мы видим в случае противопоставления — на материале латинского языка — творительного падежа дательному и отложительному. По отношению к латинскому языку мы не можем говорить об особом творительном падеже, отличном от отложительного, потому что во всех словах, во всех склонениях одна и та же форма отложительного падежа употребляется и в значении исходности («отложительности»), и орудия.

Обратимся теперь к той точке зрения, которую защищает сам де Бур, называя ее синтаксической. Он, сохраняя по отношению к латинскому языку понятие морфологического падежа, говорит и о синтаксических падежах, определяя их только по синтаксическому употреблению независимо от способа их выражения. Так, например, к синтаксическому творительному падежу де Бур относит морфологические отложительный и дательный падежи, а к синтаксическому винительному — морфологические винительный, родительный, дательный, а также именительный,

²⁰ C. de Boer, *Études de syntaxe française*, «Revue de linguistique romane», Paris, 1928, № 15—16, стр. 290—310.

инфинитива именной частью составного сказуемого. Система синтаксических падежей де Бура — это своего рода стандарт, приложимый ко всем языкам мира. Она совершенно априорна и в качестве грамматического стандарта, если бы он и был возможен, неудачна: 1) падеж субъекта, т. е. синтаксический именительный; 2) падеж объекта, т. е. синтаксический винительный; 3) падеж локализации, т. е. синтаксический местный; 4) падеж удаления, т. е. синтаксический отложительный; 5) падеж направительный; 6) падеж обстоятельства образа действия, т. е. творительный.

Система де Бура вызывает много возражений. Прежде всего она не учитывает многих падежей, реально существующих в различных языках мира: в этой системе нет родительного падежа как показателя принадлежности, ряда падежей, выражающих различные дополнительные и обстоятельственные значения. В своем стремлении дать для всех языков мира единую систему падежей де Бура закрыл возможность исследования своеобразных черт грамматического строя любого языка и фактически снял вопрос о морфологии языка, подменив вопрос о категории падежа вопросом о членах предложения.

Беспомощная попытка де Бура подвести «теоретическую» базу под его совершенно априорную систему падежей французского языка лишь показывает, что к языкам аналитического строя неприменим термин флективного или синтетического грамматического типа. Такого рода попытки неизбежно ведут к построениям, основанным не на изучении характерных особенностей тех или иных языков, а на абстрактных и искусственных схемах, мешающих изучению как формальной стороны, так и тех реальных значений, которые находят выражение в языках. Вместо богатой языковой действительности в построениях этого рода мы видим лишь пустую схему, в которую с трудом удастся втиснуть конкретные языковые факты.

Такой же формалистический отрыв грамматической формы от ее значения мы встречаем у шведского лингвиста А. Норейна²¹. Он считает необходимым отказаться от рассмотрения падежа как единства формы и значения. Значением он занимается независимо от формы, а формой — независимо от значения. Падеж, взятый как чистая форма, у него носит название «казус», падеж как значение, т. е. падежное значение, у него называется «статус». «Казус» — это всякий способ выражения синтаксического отношения имени к другим членам высказывания или, как уточняет сам Норейн, всякий способ выражения отношения дополнительного члена к главному: *schnell aufblühend*, *Wanderredner* и т. д. При таком подходе особым «казусом» окажется и наречие, и чистый корень — являющийся частью сложного слова; например, в немецком языке надо будет считать не 4 падежа («казуса»), а несколько десятков. Сам Норейн, правда, приводит лишь небольшой перечень падежей-«казусов», группируя их по внешним признакам выражения. Так, например, косвенные падежи он подразделяет на суффиксальные и префиксальные (во французском языке), сложные (например, нем. *Rindfleisch*), предложные, послеложные и т. д.

Гораздо сложнее его классификация падежей-«статусов», т. е. падежных значений, число которых, следовательно, должно равняться числу возможных отношений между основным и дополнительным значением. Норейн дает перечень 70 падежей-«статусов», причем совершенно очевидно, что это число далеко не исчерпывает всех возможных «статусов». Возможна и большая детализация отношений, чем это дано у Норейна. Так, например, он не различает нахождение «на» и «над», «у» и «вблизи», на гори-

²¹ А. Noreen, Einführung in die wissenschaftliche Betrachtung der Sprache [перевод со шведского избранных частей работы «Vårt språk»], Halle (Saale), 1923.

горизонтальной и вертикальной поверхности. Не различаются разные виды обладания. Очень слабо представлены лативы, т. е. падежи, указывающие на направление движения: 18 эссивам (падежам нахождения), данным у Норейна, соответствует только 7 лативов, к которым относятся и собственно лативы, отвечающие на вопрос «куда», и аблативы, отвечающие на вопрос «откуда». В дагестанских же, например, языках каждому эссиву обычно соответствует и латив, и аблатив, а в некоторых из языков и транслатив. А. Норейн совершенно не отвел места в своем перечне «статусов» транслативам — падежам, показывающим прохождение через какую-то среду. Таким образом, априорность, отрыв от многообразных фактов различных языков мира и совершенно очевидная неполнота перечня падежных значений у Норейна обесценивает его работу и делает ее методологически несостоятельной.

Все построение Норейна ни на шаг не подвигает разрешение вопроса о падежах. Оторвав «статусы» от «казусов», он ликвидировал понятие падежа, представляющее собой единую форму и значения. Конкретные примеры на «статусы» у Норейна показывают, что он совершенно не учитывает формы их выражения; примеры на «статусы» совершенно разнородны. Так, например, на «статус» *вещество* даются такие примеры, как *Maismehl*, *Mehl aus Mais* и т. д.

Работа Норейна, как и рассмотренная выше работа де Бюра, фактически снимает вопрос о падеже, отдельно рассматривая значения и способы их выражения. Значения даются в виде перечня априорных понятий, взятых независимо от реально существующих (т. е. формально выраженных) падежей в языках мира. Способы выражения отношений между главным и дополнительным значением, как это формулирует Норейн, даются в виде перечня чисто внешних, технических приемов, также взятых независимо от реально существующих падежей, и поэтому этот перечень приемов совершенно не приближает к разрешению проблему падежей в каком бы то ни было языке.

И если де Бур конструирует свою систему падежей, группируя единичные значения вокруг основных синтаксических понятий, то Норейн единичные значения, априорно выявляемые, лишь располагает в произвольной, абстрактно-логической системе. И то, и другое есть проявление грамматического нигилизма, отмахивающегося от постановки и попыток решения грамматических проблем, рассматривающего грамматику как чистую технику и переносящего анализ языка в план чисто субъективных абстрактно-логических схем. Для логистов такого рода понятия существуют сами по себе, независимо от языковой материи, от форм языка. И. В. Сталин дал уничтожающую критику подобных рассуждений, квалифицировав их как проявление идеализма. «Какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой „природной материи“ — не существует. „Язык есть непосредственная действительность мысли“ (Маркс). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с „природной материей“ языка, о мышлении без языка»²².

Грамматическая категория вообще и грамматическая категория падежа, в частности, представляет собой объективный факт, выявляющийся в грамматическом строе как единство смысловой стороны (значения, группы однородных или даже разнородных значений, систематически высту-

²² И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 39.

пающих вместе) и материального выражения (показателя или группы показателей, систематически выступающих друг вместо друга).

Беглый обзор литературы, посвященной категории падежа, показывает, что необходим критический пересмотр вопросов методологии грамматики с точки зрения метода диалектического материализма. Марксистское учение о единстве языка и мышления дает принципиально новое решение вопроса о грамматической категории вообще и о грамматической категории падежа, в частности. На новых методологических установках должна быть разработана конкретная методика описания как языков аналитического строя, где падежей или совсем нет, или их очень немного, так и языков синтетического строя, среди которых имеются такие многопадежные языки, как финно-угорские и дагестанские.

*

Подходя к вопросу о системе падежей в дагестанских языках, мы прежде всего должны отбросить попытки строить систему их падежей, исходя из системы какого-либо другого языка: латинского, русского, арабского, грузинского и т. д.; также мы должны отбросить и попытки строить эту систему, исходя из «оголенных» значений, взятых в отрыве от их материальной оболочки. Система падежей каждого дагестанского языка, как и всякого языка вообще, определяется особенностями его собственного грамматического строя, совокупностью форм выражения соответствующих значений.

Определение системы падежей в дагестанских языках связано с необходимостью отличать падежные окончания от послелогов, которые не могут рассматриваться как показатели падежей. Вопрос этот труден потому что между существительным и послелогом не может быть никакого другого слова. Ведь в русском и французском языках предлог нельзя спутать с падежным префиксом просто потому, что между предлогом и существительным может встретиться прилагательное или какое-нибудь другое слово. Этого простого и очевидного приема мы не можем использовать при выяснении системы падежей дагестанских языков, потому что, как было сказано выше, в этих языках между существительным и послелогом не может быть никакого другого слова. Необходимо изыскивать иные приемы, вытекающие из своеобразия грамматического строя дагестанских языков.

Другого рода трудность состоит в том, что с исторической точки зрения многие падежные окончания дагестанских языков являются послелогами, потерявшими свою относительную самостоятельность и превратившимися, таким образом, из служебного слова (т. е. еще более или менее самостоятельного слова) в служебный элемент другого слова. Следовательно, при грамматическом анализе фактов мы можем столкнуться с переходными случаями, когда элемент, подвергающийся анализу, еще не в полной мере потерял свою самостоятельность и превратился в падежное окончание.

Наиболее просто производить грамматический анализ, если в каком-нибудь языке существует несколько типов склонений. Элемент, меняющий свою форму в зависимости от того, к существительному какого типа склонения он присоединяется, несомненно, не может быть признан особым, хотя бы и служебным словом. Наоборот, элемент, остающийся неизменным во всех типах склонения, может быть признан не падежным окончанием, а служебным словом.

Примером языка, в котором несколько типов склонения, может служить аварский. В аварском языке различаются прежде всего «архаи-

ческое» и «живое» склонение, по терминологии Л. И. Жиркова. Живое склонение в свою очередь подразделяется на два подтипа: 1) склонение существительных мужского класса; 2) склонение существительных женского и среднего класса. К тому же склонение во множественном числе также представляет ряд отличий от склонения в единственном числе²³. Наконец, и склонение местоимений также обнаруживает ряд особенностей. Сопоставление аналогичных форм в различных типах склонения может пролить некоторый свет на вопрос о том, какие из этих форм являются истинными падежами, а какие из них не могут считаться падежами в собственном смысле слова.

Несомненно, особым падежом является так называемый активный, или эргативный, потому что во всех типах склонения он имеет различные окончания: *ца, с, лъ, з* (*инсуца* «отец», *васас* «сын», *ясаль* «дочь», *васаз* «сыновья»). То же надо сказать о родительном и дательном падежах, потому что они образуются непосредственно от формы активного падежа и, таким образом, сохраняют различия между типами склонения: вместо *ца* в родительном и дательном падежах соответственно *е* и *л*, а к остальным окончаниям активного падежа прибавляются соответственно *е* и *ул* (дательный падеж *инсуе, васасе, ясалге, васазе*; родительный падеж *инсул, васасул, ясалгул, васазул*).

Но относительно этих падежей, собственно, никто и не высказывал сомнений — разногласий они не вызывали. Всеми они признаются за настоящие падежи. Другое дело — местные падежи. В том, что они являются действительно падежами, кое-кто мог бы усомниться. Ведь это падежи такого типа, который в индоевропейских языках, например, не представлен. Ведь именно эти падежи создают невиданное число значений: 30, 40, 50. Можно было бы подумать, что эти «местные падежи» вовсе и не являются истинными падежами, что исключительная многопадежность дагестанских языков является мифом. Может быть, система падежей дагестанских языков количественно почти ничем не отличается от русского, латинского, немецкого языков? Попробуем подойти к вопросу о местных падежах в аварском языке так же, как мы подходили к выявлению истинности активного, дательного и родительного падежей. Начнем с эссивов, которые во всех сериях падежей нахождения в аварском языке представляют собою начальную форму. Эссив первой серии имеет следующие окончания по различным типам склонения: *да, сда, лда, зда* (*инсуда, васасда, ясалда, васазда*). Если бы мы попытались в этой форме видеть сочетание имени с послелогом, чем бы мы должны были считать элемент *с, л, з*, стоящий перед *да*?

Если формы *васасда* и *васазда* могли бы создать видимость того, что *да* является послелогом, присоединяющимся к форме активного падежа (*васас + да, васаз + да*), то формы *ясалда*, а тем более *инсуда* сразу же показывают иллюзорность такого предположения, так как *да* присоединяется вовсе не к форме активного падежа. Еще показательнее было бы привлечение для анализа падежных форм эссива первой серии личных местоимений, которые совершенно не могут трактоваться как сочетание имени с послелогом (*дида* «на мне», *дуда* «на тебе»; ср. им. падеж *дун* «я», акт. падеж *дица*; им. падеж *мун* «ты», акт. падеж *дуца*).

Таким же образом мы должны признать истинными падежами в аварском языке эссивы и других серий, которые соответственно оканчиваются

²³ См. Л. И. Жирков, Аварско-русский словарь, М., ОГИЗ РСФСР, 1936; несколько подробнее об этом см. в его же «Грамматике аварского языка» (М., 1924).

на *лх*, *сулх*, *лулх*, *зулх*²⁴; *кь*, *сукь*, *лукь*, *зукь*; *лI*, *сулI*, *лулI*, *зулI*²⁵. Несколько сложнее вопрос о местных падежах пятой серии, оформляемых классическими показателями. Аварские школьные учебники относили их не к надежным формам имени, а, вопреки П. К. Услару, Л. И. Жиркову и А. А. Бокареву, к наречиям места. Интересная статья Ш. И. Микаилова дает большой материал, относящийся к этой серии²⁶. Из приведенных им фактов очевидно, что лишь небольшая группа слов такого образования может быть отнесена к наречиям. Основная же масса имен образует форму, являющуюся таким же местным падежом, как и все остальные, относящиеся к другим сериям. Не останавливаясь на этом материале, я отсылаю читателя к указанной статье.

Лативы вышеуказанных серий образуются так: в первой серии вместо *-да* используется *-де*, во всех остальных сериях к форме эссива прибавляется окончание *-е*. Если латив первой серии является несомненным падежом (легко заметить, что это действительно так), то полный параллелизм в образовании как лативов, так и эссивов заставляет нас и их считать истинными падежами: если латив в одной серии является падежом, то и в других сериях его надо считать падежом. Следовательно, ряд *магIарда* «на горе» — *магIарде* «на гору»; *вацасухъ* «у брата» — *вацасухье* «к брату»; *ахикъ* «в саду» (буквально: «под садом») — *ахикье* «в сад» (буквально: «под сад»); *ххарилI* «в траве» — *ххарилIе* «в траву»; *рокъов* «в доме» — *рокъове* «в дом» позволяет выделить форму на *-де* | *-е* в качестве особого падежа.

Таким же образом мы убедимся в истинности и аблативов исходных падежей всех пяти серий. В первой серии аблатив образуется при помощи *-са*, присоединяемого к форме эссива, в отличие от латива, который образуется путем замены окончания эссива другим окончанием (*магIарда* «на горе», *магIарде* «на гору», *магIардаса* «с горы»). Во всех же остальных сериях эссив образуется путем присоединения окончания *-а* также соответственно тому, как латив образуется путем присоединения окончания *-е*: *ххарилI* «в траве», *ххарилIа* «из травы»; ср. латив *ххарилIе* «в траву».

Обзор образования всех рассмотренных местных падежей в аварском языке показывает, что каждый из этих падежей является членом единой, внутренне связанной, объективно данной в фактах языка системы, и этим подтверждается истинность всех этих падежей. Признав одни из этих форм падежами, мы неизбежно должны признать падежами и другие. Закончим их рассмотрение сводной таблицей:

Падежи	Серии				
	1-я серия „на“	2-я серия „около“	3-я серия „в“ (в сплошном пространстве)	4-я серия „под“	5-я серия „в“ (в замкнутом вместилище)
Эссив (где?)	<i>ххарида</i> „на траве“	<i>ххарихъ</i> „около травы“	<i>ххарилI</i> „в траве“	<i>ххарикъ</i> „под травой“	<i>рокъов</i> „в доме“
Латив (куда?)	<i>ттариде</i>	<i>ттарихье</i>	<i>ттарилIе</i>	<i>ттарикье</i>	<i>рокъове</i>
Аблатив (откуда?)	<i>ххаридаса</i>	<i>ххарихъа</i>	<i>ххарилIа</i>	<i>ххарикья</i>	<i>рокъовса</i>

²⁴ *хъ* — транскрипционная передача увулярного надгортанного аффриката; орфографически пишется *х*.

²⁵ *лI* — транскрипционная передача латерального надгортанного аффриката вместо принятого в орфографии написания *лъль*.

²⁶ Ш. И. Микаилов, Функции локативов в аварском языке, «Труды первой научной сессии [8—11 октября 1947 г.] Дагестанской науч.-исслед. базы АН ССРСР», Махач-Кала, 1948, стр. 309—322.

Совершенно иначе мы должны отнестись к некоторым другим формам, которые П. К. Услар рассматривал как падежные. Это, во-первых, форма на *-гун*, которую он назвал союзным падежом, и форма на *-глан*, которую он назвал сравнительным падежом. Их нельзя считать падежными, потому что во всех типах склонения эти формы выступают как сочетание имени с неизменной служебной частицей, причем *гун* следует считать послелогом, так как она сочетается всегда с одной и той же падежной формой (с именительным падежом), а *глан* — союзом, так как он, выражая сравнение, может сочетаться с любым падежом (*вацгун* «с братом», *вацглан* «как брат», *вацасеглан* «как брату» и т. д.).

Точно так же мы не можем считать в аварском языке особыми падежами и сочетания лативов и аблативов с частицей *хун*, которая, показывая лишь общее направление, не указывает при этом, соприкасалось ли движущееся тело с тем предметом, от которого оно движется, и будет ли оно соприкасаться в результате движения с тем предметом, по направлению к которому оно движется. Основанием нашего мнения служит то, что эта частица в неизменной форме соединяется с прямо противоположными по значению падежами: с лативом и аблативом.

Выясняя истинность того или иного падежа, мы до сих пор обращали внимание лишь на показатель отношения, пытаясь выяснить, является ли он падежным окончанием или же служебной частицей. Но наш анализ следует продолжить, обратив внимание на форму имени, сочетающуюся с этим показателем: в каких случаях мы имеем дело со словом, способным к самостоятельному функционированию, и в каких — с падежной основой, встречающейся лишь в сочетании с теми или иными падежными окончаниями.

В аварском языке основа косвенных падежей, к которой присоединяются падежные окончания, отличается от основы именительного падежа. В «живом» склонении это отличие невелико. Для образования, например, активного падежа к основе именительного падежа присоединяется *-с/|-ас*, *-ль/|-аль*. Остальные падежи образуются уже от формы активного падежа, которая, строго говоря, и представляет собою основу косвенных падежей²⁷. Гораздо сложнее обстоит дело с образованием основы косвенных падежей в «архаическом» склонении. Большинство имен, склоняющихся по «архаическому» типу, подвергается довольно значительной внутренней флексии, причем основа косвенных падежей употребляется только в сочетании с падежными окончаниями и не может употребляться самостоятельно без них. Это дает нам возможность использовать изменение основы имени, склоняющегося по «архаическому» типу, для разрешения вопроса об истинности тех или иных падежей.

Для доказательства того, что все рассмотренные нами падежные окончания действительно являются таковыми, лучше всего брать имя, склоняющееся по архаическому склонению, например, *гьобо* «мельница». Для архаического склонения характерно то, что все падежи, кроме именительного, образуются от основы косвенных падежей *гьаби*, которая самостоятельно, без падежных окончаний, не встречается. Вот почему все падежи, рассмотренные нами, включая и местные, являются истинными падежами, а не сочетанием имени с различными послелогам, как могли бы подумать некоторые. В самом деле, активный падеж *гьабица*, эссив первой серии *гьабида* «на мельнице», эссив второй серии *гьабицъ* «около мельницы» можно рассматривать только как падежные формы, но никоим образом не как сочетание имени *гьаби* с предполагае-

²⁷ Вопрос об именной основе в аварском языке, хотя и непосредственно связан с темой настоящей статьи, все же требует особого рассмотрения, которое целесообразно провести в специальной статье.

мыми послелогами *ца, да, хъ*, так как нет имени *гъаби*²⁸ (а есть только имя *гъобо*) и нет послелогов *ца, да, хъ* (а есть только падежные окончания, меняющиеся в зависимости от типа склонения: *-ца, -с, -лъ, -з* и т. д.).

Для того чтобы закончить формальный анализ системы падежей аварского языка, мы должны еще упомянуть о форме на *лгун* или *далгун*. Этой форме посвящена специальная статья А. А. Бокарева²⁹. Форма на *лгун* или *далгун* возникла в результате сочетания формы именительного падежа или эссива первой серии с деепричастием прошедшего времени от гипотетического глагола *лгизе* «стать, сделаться». Эта форма получила значение творительного орудного и творительного предикативного в связи с тем, что активный падеж выполняет одновременно функции и субъекта при переходных глаголах, и дополнения орудия. Форма на *лгун* отмечалась многими авторами, но она формально настолько сильно выбивается из системы падежей аварского языка, что, несмотря на свою несомненно падежную функцию, так и не включается в перечень падежей.

Тот формальный анализ падежной системы аварского языка, который был приведен выше, конечно, еще недостаточен для того, чтобы дать полную характеристику этой системы. Мы исходили из падежных значений, как будто бы они представляют собой нечто простое и единое. На самом же деле падежи многозначны, и только рассмотрение многообразия синтаксических функций падежей дало бы нам более или менее отчетливое представление о том, какую систему падежей выработал аварский язык для того, чтобы облечь в материальную языковую оболочку человеческие мысли.

В большинстве же дагестанских языков нет различных типов склонения. В таком случае вопрос о выявлении системы падежей обстоит несколько сложнее. Но и в этих языках можно найти объективные критерии, которые позволят нам определить в каждом отдельном случае, имеем ли мы дело с особым падежом или же с сочетанием имени и послелога³⁰.

Возьмем в качестве другого примера табасаранский язык с его сложной и еще недостаточно изученной системой падежей. В нем единый тип склонения. Но для выяснения вопроса об истинности того или иного падежа надо использовать все возможные варианты склонения: особенности склонения во множественном числе, особенности склонения местоимений, числительных и т. д. Выяснению вопроса об истинности падежей поможет также использование слов, меняющих основу при склонении.

Перейдем к материалу табасаранского языка³¹. Здесь, при его рассмотрении, сразу возникнет ряд вопросов. Является ли активный падеж действительно настоящим падежом? Нельзя ли его рассматривать как сочетание с послелогом? Но такому предположению противоречит то, что образование формы активного падежа не является единообразным, существует десять типов его образования: *марке* «червила» — *маркели*;

²⁸ В данном случае основа косвенных падежей от *гъобо* «мельница» — *гъаби* совпадает с именительным падежом множественного числа от *гъей* «собака» — *гъаби*, что, конечно, также косвенным образом делает невозможным предположение о том, что *ца, да* и т. д. являются послелогами.

²⁹ А. А. Бокарев, Аварское соответствие русскому творительному предикативному падежу, сб. «Язык и мышление», X, М.—Л., 1940, стр. 15—47.

³⁰ Конечно, в различных языках может встретиться немало случаев, когда при данной степени их изученности целиком будет найти какой-либо определенный критерий, и вопрос потребует еще дополнительных исследований.

³¹ См. Л. И. Яковлев, Табасаранский язык, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948; см. также А. М. Дир, Грамматический очерк табасаранского языка (Тифлис, 1905), где описан один из северных диалектов табасаранского языка, сильно отличающийся от литературного языка.

жилур «муж» — *жилурди*; *фекер* «мысль» — *фекерну*; *халу* «дед по матери» — *халуи*. Наличие десяти разных способов образования этой формы и заставляет нас считать ее особым падежом. К тому же можно указать во многих случаях, что основа именительного падежа с основой активного не совпадает и даже в ряде случаев от нее резко отличается: *гату* «кошка» — *гатди*; *бай* «сын» — *бали*; *шар* «вода» — *шире*; *селе* «дуб» — *селебе*; *чи* «сестра» — *чичу*; *веллур* «верблюд» — *велле*; *риш* «дочь» — *шуру*; *юкI* «сердце» — *кIва*; *думу* «он» — *дуггу*; *фуж* «кто» — *шли*. Поэтому немногочисленные случаи совпадения форм именительного и активного падежей [см. личные местоимения 1-го и 2-го лица: *изу* «я», *иву* «ты», *иху* «мы» (инклюзивное), *ичу* «мы» (эксклюзивное), *учу* «вы»] не мешают считать их особыми падежами.

Но нельзя ли думать, что активный падеж — единственный косвенный падеж, к которому присоединяются различные послелоги? Обратимся под таким углом зрения вначале к родительному и дательному падежам. В большинстве случаев они образуются от активного простым присоединением *-н* (для родительного) и *-з* (для дательного падежа). Однако основа родительного и дательного падежей не всегда совпадает с активным падежом: *фекерну* «мысль» — *фекернан* (-з); *йицру* «желание» — *йицран* (-з); *микIлу* «ветер» — *микIлан* (-з); *дуггу* «он» — *дугган* (-з); *узу* «я» — род. падеж *йиз*, дат. падеж *узуз*. Этот факт и заставляет нас считать данные формы истинными падежами, а не сочетаниями активного падежа с послелогами.

Перейдем к следующей группе падежей: к эссивам всех восьми серий (нахождение внутри, на горизонтальной поверхности, «под», «около», «у», «за», между частями чего-либо). Падежи ли это? Или, может быть, как в русском языке, это сочетания какого-либо падежа, но уже не с предлогом, а послегомом? Ряд примеров мог бы внушить это предположение: им. падеж *фур*, акт. падеж *фури* «арба» — *фуриь* «в арбе», *фуриин* «на арбе», *фурикк* «под арбой», *фуригь* «около арбы», *фурихь* «у самой арбы», *фурихь* «за арбой», *фуригь* «между частями арбы». Могло бы показаться, что это — сочетание различных послегомов (*ь*, *ин*, *кк*, *гь*, *хь*, *хь*, *гь*) с активным падежом. Но совпадение основы косвенных падежей с формой активного падежа встречается далеко не всегда. Используем те же примеры, которые мы приводили в связи с родительным и дательным падежами: акт. падеж *фекерну* «мысль» — эссив *фекерназ* «в мысли»; акт. падеж *дуггу* «он» — эссив *дуггаг* «около него» и т. д. Эти примеры опровергают возможность толкования эссивов как сочетаний активного падежа с послегомом.

От формы эссивов регулярно образуются аблативы и лативы: *фуризан*, *фурикан*, *фуриккан*, *фуриган*, *фурилан*, *фуригган* и т. д., *фуризна*, *фурина*, *фуриана* и т. д. Как следует отнестись к трактовке этих форм? Надо ли их считать также падежными формами или же следует их рассматривать как сочетание послегома с соответствующим эссивом? Можно было бы обосновать истинность этих падежей таким же образом, как это делалось выше, т. е. указать, что не всякую из этих форм можно фактически рассматривать как сочетание эссива с предполагаемым послегомом. Например, в седьмой серии (нахождение на горизонтальной поверхности) основы эссива и аблатива не совпадают (*фуриин* — *фурилан*). Но в данном случае, очевидно, особое значение имеет обратная сторона явления. Все местные падежи так тесно связаны между собой регулярностью своего образования, дают такую четкую систему, что трудно их рассматривать отдельно, независимо друг от друга. Их сугубая парадигматичность как бы делает невозможным рассмотрение одних из них в качестве падежей, а других — в качестве послегомных конструкций.

Сложнее обстоит вопрос с двумя группами местных падежей, которые упомянуты в работе Дирра, но очень слабо представлены в его материалах. Это общенаправительные и совместные падежи. Общенаправительные падежи образуются при помощи показателя *-инди*, присоединяемого к эссивам всех серий, хотя у Дирра имелись примеры только для серий *-гь* и *-хь*. Значение этих падежей состоит в том, что указывается, но направлению к чему происходит движение, но при этом не предполагается, что соприкосновение с целью движения обязательно произойдет («по направлению к дому», а не «в дом»). Совместные падежи были отмечены Дирром только для серий *ф*, *гь*, *хь*, однако они могут быть образованы от всех серий. Значение этих форм довольно своеобразно: совместное движение, причем предмет, обозначенный именительным падежом, находится «на», «в», «около» того предмета, который выражен этим совместным падежом: *фуригъри* «двигаться с арбой, находясь внутри нее», *фурихъри* «двигаться, находясь позади арбы» и т. п. Выяснить, являются ли эти две группы форм падежами в полном смысле этого слова, нелегко. Они совершенно регулярно образуются от формы эссива и этим создают полную аналогию лативу и аблативу. С другой стороны, характер показателей *-инди* и *-ри* может вызвать сомнение в том, что их можно считать падежными окончаниями. Элемент *-инди* несомненно сложного состава: *ди* — показатель наречия, характер *ин* неясен. *Ри*, как будет указано ниже, может употребляться не только с эссивами, но и с другими падежами. Следовательно, его следует, быть может, рассматривать как последок или прилепу агглютинативного характера, а не как падежное окончание. Во всяком случае формы с *инди* и *ри* потребуют еще дополнительных исследований.

Таким образом, с полной уверенностью можно утверждать, что ряд форм, которые Дирр считал падежными, таковыми не являются. Это относится к формам, которые Дирр называл сравнительным I (*саь//си*), сравнительным II (*тIан* «чем»), временным (*лап*), обстоятельственным (*ди*) и сопроводительным (*ри*). Все эти формативы могут присоединяться к самым различным падежам, в том числе и к форме именительного падежа. Вот это обстоятельство и заставляет нас усомниться в том, что они действительно являются падежными окончаниями. Некоторые из формативов способны сочетаться и с именительным падежом, и с основой косвенных падежей. Это относится, в частности, к *на* (направительность) и *ри* (совместность). В таком случае эти формативы выступают то в роли падежных окончаний, то в роли служебных частиц, грамматический характер которых еще требует изучения.

*

Можно было бы подвергнуть специальному анализу падежные системы и других дагестанских языков. Мы увидели бы, что в каждом языке своя система падежей, которая может быть выявлена только путем тщательного и углубленного изучения фактов. Для выяснения частного вопроса о падежах надо глубоко проникнуть в структурное своеобразие всей грамматической системы языка. Только грамматическая система каждого отдельного языка, ее специфические особенности могут определить и конкретную методику выявления падежей. Поверхностным скольжением по фактам языка без углубленного их изучения можно объяснить появление универсальных падежных систем, основанных или на априорных, логически сконструированных схемах отношений, или же на падежной системе какого-либо одного языка, произвольно выбранного в качестве универсального языкового стандарта.